

АВТОНОМИЯ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ В СОВЕТСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ (1920–50-е)

Р. Р. Вахитов^{a, b}

^a Уфимский университет науки и технологий
Россия, 450074, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

^b Национальный исследовательский Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36;
Rust_R_Vahitov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса университетской автономии и академических свобод в советских университетах 1920–50-х. В 1917–1922 гг. большевиками на базе системы высшей школы Российской империи был создан новый тип университета – демократически-просветительский, противоположный дореволюционному имперскому университету. Он был открыт для низов общества – прежде всего, для пролетариев, – по его окончании не выдавались дипломы, он, в отличие от дореволюционного имперского университета, не был встроен в систему госслужбы и был ориентирован не на научную работу, а на подготовку кадров для хозяйственной и социальной сфер, а также на просвещение масс. Его полная подконтрольность Наркомпросу сочеталась с послаблениями в области академических свобод. Для этого университета были характерны педагогические эксперименты, применение новейших для того времени технологий обучения, установка на самостоятельную и творческую работу студентов. После сворачивания НЭПа и коллективизации страна начала индустриализацию и культурную революцию. По-надобились специалисты в области народного хозяйства, учителя, медики. Университет 1920-х обеспечить эти преобразования не мог. В связи с этим была начата сталинская реформа высшей школы. Она была ориентирована на прагматизацию высшего образования. В итоге университеты встроились в высшую школу на правах вузов, готовящих кадры для науки и системы образования. Были возрождены практики дореволюционных университетов, в том числе нацеленность на воспроизводство элиты. Новый устав еще больше сузил автономию советских университетов, но ее остатки, необходимые для подготовки научных кадров, все равно сохранились.

Ключевые слова: университетская автономия, академические свободы, советские университеты, раннесоветский университет, сталинский университет

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23–18–00048).

Для цитирования. Вахитов Р. Р. Автономия и академические свободы в советских университетах (1920–50-е) // Университетское управление: практика и анализ. 2024 Т. 28, № 1. С. 144–153. DOI 10.15826/umpa.2024.01.010

AUTONOMY AND ACADEMIC FREEDOM IN SOVIET UNIVERSITIES (FROM 1920S TO 1950S)

R. R. Vakhitov^{a, b}

^a Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi st., Ufa, 450074 Russian Federation

^b National Research Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation;
Rust_R_Vahitov@mail.ru

Abstract. This article explores the issue of university autonomy and academic freedom in Soviet universities during the 1920s–1950s. In the years 1917–1922, Bolsheviks established a new type of university based on the higher education

system of the Russian Empire – the democratic-enlightenment university, contrasting with the pre-revolutionary imperial university. It was open to the lower classes of society, primarily proletarians, did not award diplomas upon completion, was not integrated into the civil service system like the imperial university, and focused on training personnel for the economic and social spheres and mass education. Its complete subordination to Narkompros was accompanied by relaxation in the realm of academic freedoms. This university was characterized by pedagogical experiments, the application of cutting-edge teaching technologies for that time, and an emphasis on independent and creative student work. Following the end of the New Economic Policy (NEP) and the country's shift towards industrialization and cultural revolution, there arose a need for specialists in the national economy, teachers, and medical professionals. The universities of the 1920s were unable to meet these transformations, leading to Stalin's reform of higher education. This reform aimed at pragmatizing higher education and significantly impacted universities. As a result, universities became integrated into the higher education system as institutions preparing personnel for science and the education system. Practices reminiscent of pre-revolutionary universities, including their focus on elite reproduction, were revived. The new regulations further restricted their autonomy; however, remnants of university autonomy crucial for training scientific personnel persisted in Soviet universities.

Keywords: University autonomy, academic freedom, Soviet universities, early Soviet university, Stalinist university
Acknowledgement. This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23–18–00048)
For citation. Vakhitov R. R. Autonomy and Academic Freedom in Soviet Universities (from 1920s to 1950s). *University management: practice and analysis*, 2024, vol. 28, nr 1, pp. 144–153. (In Russ.). doi 10.15826/umpa.2024.01.010

Постановка проблемы, ее разработанность и методы исследования

Университетская автономия и академические свободы – неотъемлемая составляющая университетского образования. В Великой Хартии Университетов говорится: «университет... является автономным учреждением, которое критическим образом создает и распространяет культуру через научные исследования и образование <...> он должен иметь моральную и интеллектуальную независимость»¹. Университет и возник как самоуправляемая корпорация магистров и школяров, обладающая определенными привилегиями и свободами. Конечно, в современном мире все сложнее, но остаточные формы университетской автономии как право осуществления управленческой, экономической, научно-педагогической и иной деятельности все же наличествуют у университетов западного мира [1].

Также академические свободы – важный элемент гумбольдтовской модели, взятой за основу университетами современного мира. Несмотря на то, что связь между университетской автономией и академическими свободами не является закономерной и не подтверждается историческим опытом (до реформы Гумбольдта европейские университеты пользовались автономией, но имели минимум академических свобод, а после XIX века – наоборот [2]), она все же постоянно декларируется современными международными документами, касающимися университетского образования.

Темы академических свобод и университетской автономии являются краеугольными и для теоретических исследований в области университетского образования (их обзор можно найти в классической работе Б. Ридингса [3]).

Итак, исследование истории и современного состояния российских [4] и мировых [5] университетов невозможно без изучения вопроса университетской автономии и академических свобод. Однако исследования данного вопроса в аспекте советского периода крайне редки [6]. Существует стереотип, что в условиях идеократического авторитарного режима большевиков ни о каких автономиях и свободах в университетах говорить не приходится. Однако советская история неоднородна, в ней были свои эпохи «заморозок» и «оттепелей», и эти изменения касались и жизни высшей школы. По-разному развивались судьбы автономии университетов относительно элементов самоуправления, расстановки кадров, распоряжения финансами и академических свобод – элементов свободы преподавания, учебы и научных исследований.

Мы рассмотрим становление двух советских моделей университета – ранней (1920-е гг.) и сталинской (1930–50-е гг.). Но перед этим надо определиться с понятиями «модель», «модель университета» и принципами их конструирования.

Согласно «Новейшему философскому словарю», «модель (лат. *modulus* – мера, образец) – объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие свойства и характеристики оригинала. Воспроизведение осуществляется как в предметной (макет, устройство, образец), так и в знаковой формах (график, схема, программа, теория)» [7]. Метод моделирования – способ выстраивания

¹ Великая Хартия университетов. Болонья, Италия, 18 сентября 1988 года. URL: https://bolognaby.org/images/Library/Magna_Carta_Universitatum_ru.pdf (дата обращения: 21.09.2023).

подобного объекта-заместителя, в нашем случае носящего идеальный характер и представляющего собой схему. Элементы схемы символизируют отдельные функции университета. Университет обычно выполняет следующие основные функции: педагогическую (подготовка специалистов, необходимых для общества), научную (ведение научных исследований) и просветительскую (распространение и популяризация научных идей, положительного образа науки, ценностей научного прогресса). В полной мере это относится и к советскому университету. В соответствующих разделах статьи мы приводим схемы, моделирующие иерархию функций советского университета периодов 1920-х и 1930–50-х гг., а также их связь с академическими свободами и университетской автономией.

Политика большевиков в области высшего образования и возникновение «демократически- просветительского университета»

С 1918 года наметились основные ориентации политики большевиков по отношению к высшей школе.

1) Вузы открылись для низших социальных слоев, а также для женщин и инородцев, не имевших прав до революции. При этом пролетарии и беднейшие крестьяне получали преимущество при поступлении и играли ведущую роль во внутриуниверситетской жизни. С начала 1920-х существовали специальные «наборы» от комсомола, профсоюзов и т. д. Чтобы «подтянуть» студентов из рабочих, были созданы «рабочие факультеты» (рабфаки). Наоборот, студенты-выходцы из бывшей элиты (госслужащих, коммерсантов, священнослужителей) по конституции 1918 года получали статус «лишенцев», их поступление в вузы было затруднено. С 1922 года студенты, живущие на «нетрудовые доходы», должны были платить за обучение от 50 тысяч рублей в год [8]. Они первыми отчислялись в ходе «чисток».

2) Все преподаватели получали единое звание научного работника. Те, кто читал самостоятельный курс, именовались профессорами (вне связи с защитой диссертации). Занять место профессора можно было, лишь победив в общероссийском конкурсе, объявленном ученым советом при наркомате просвещения. Наркомат и местные власти могли снять с конкурса неблагонадежных кандидатов.

3) Были отменены дипломы, выпускные экзамены, связь образования с рангом госслужбы (как было до революции). По А. В. Луначарскому, большевистскому государству требовались не «люди

с дипломами», а «техники, педагоги, доктора и др. специалисты» [9]. В итоге победила «якобинская» стратегия подчинения образования нуждам хозяйства² и упор на технические вузы (втузы), связанные с предприятиями. Первоначально под вопросом было само существование университетов (в Украинской ССР их упразднили), но затем было решено их сохранить, чтобы готовить кадры для школ и учреждений культуры и просвещать народные массы.

4) Вузы были подчинены идеологическому контролю. Преподаватели общественно-гуманитарных дисциплин в случае нелояльности изгонялись, на их место приходили выпускники Института Красной Профессуры (ИКП). Преподавались эти дисциплины на специальных Факультетах Общественных Наук (ФОН), которые подчинялись напрямую наркомату просвещения. В 1921 году по предложению В. И. Ленина был введен «научный минимум» – набор идеологических дисциплин («Исторический материализм», «История пролетарской революции», «Политический строй РСФСР» и др.), читаемый на всех факультетах в обязательном порядке.

Образовательный проект новой власти «являлся зеркальным отражением дореволюционного варианта высшей школы и должен был устранить недостатки последнего» [10]. Российский классический имперский университет был элитным учебным заведением, раннесоветский университет был общедоступен и открыт для народа. Имперский университет готовил госслужащих и даровал госпривилегии, раннесоветский не давал никаких привилегий. В имперском университете была сложная иерархия преподавателей (профессора, приват-доценты, магистры и т. д.), в раннесоветском все были научными работниками. Наконец, классический университет, следуя завету Гумбольдта, совмещал науку и преподавание, в раннесоветском университете профессором мог стать любой сотрудник, имеющий 3 года педстажа, а научная работа была отделена от педагогической и велась особой «научной ассоциацией», возвышающейся над факультетами в виде некоей «Академии». Д. А. Мартинович называет эту модель «свободным университетом», однако современники предпочитали именовать ее «демократический» или «народный университет» [10]. Мы тоже охарактеризуем этот университет как «*демократически-просветительский*». На первом плане в нем просветительская функция. Вторая по значимости – функция подготовки специалистов (педагогическая), и лишь

² Таким же образом вели себя и якобинцы в эпоху Французской революции, сделавшие упор на специализированные высшие школы (Grandes Écoles) и закрывшие Парижский университет

на третьем месте – научная функция. Изобразим это графически:

На рисунке можно увидеть, что выдвигание на первый план просветительской функции приводит к сокращению до минимума университетской автономии, но и к определенному расширению академических свобод. Это естественно: такой университет готовил не просто специалистов, а личностей определенного плана. Это предполагает некоторую свободу критического обсуждения, проистекающую из «критического рационализма» (К. Поппер) научного исследования, но в то же время и контроль со стороны идеократического государства.

Автономия и академические свободы в раннесоветском университете

Придя к власти, большевики обещали полную автономию вузов, но обещания не выполнили. Столкнувшись со студенческой вольницей периода революции, новая власть пошла по пути ее подавления. В 1919–1921 гг. силами ВЧК были ликвидированы центральные студенческие организации, закрыты отделения всех политических партий в вузах, помимо большевистской, стали преследоваться такие формы студенческой самоорганизации, как кружки, комитеты взаимопомощи, землячества.

Вскоре университетская автономия «была официально отменена и объявлена “детищем феодально-помещичьего строя” и “пережитком”, а вузы поставлены под административный, финансовый и идеологический контроль государства. Эти изменения были закреплены в положениях СНК о высшей школе 1921 и 1922 гг. По ним вузы подчинялись наркомату образования, который назначал членов правления вуза (в том числе ректора) и имел право “производить изменения высшего учебного

заведения, как в организации, так и в личном составе...”³. Правлениям отводилась вспомогательная функция: «Ближайшее заведывание и руководство как учебно-ученой, так и хозяйственно-административной деятельностью высшего учебного заведения <...> под общим наблюдением Народного комиссариата просвещения...»⁴. В состав правления входили «ректор, его помощник, проректор, секретарь совета, деканы, их заместители и секретари факультетов, члены правления по избранию, представители от студентов (25 % состава) и два представителя от Губоно» [8].

Элементы самоуправления сохранялись в виде Совета вуза, президиумов факультетов и предметных комиссий, но эти институты могли пользоваться самостоятельностью лишь в той мере, в которой это помогало выполнять приказы наркомата.

Как же обстояло дело с академическими свободами? Как уже отмечалось, университетская автономия не просто сущностно не связана с академическими свободами, более того – расширение университетской автономии зачастую ведет к ограничению академических свобод, и наоборот. История российского высшего образования подтверждает эту закономерность.

Советская власть начала с провозглашения полных академических свобод. Большевистский руководитель образования М. А. Рейснер говорил в 1918 году: «Мы предоставляем факультетам полную свободу предъявлять требования своим слушателям <...> автономии какому угодно факультету читать какие угодно предметы и т. д. <...> Программы циклов науки должны быть так составлены, чтобы студенты имели возможность выбирать по своему желанию изучение любого предмета» [10]. Нельзя не признать, что здесь

³ Законы о вузах. 1918–1922 гг. URL: <http://музейреформ.рф/node/13755> (дата обращения: 21.09.2023).

⁴ Там же.

Рис. 1. Модель демократически-просветительского университета

Fig. 1. Model of democratic educational university

Советская власть в некоторой мере выполнила свое обещание. На фоне сворачивания университетской автономии определенная свобода учебы и преподавания (в рамках компании по идеологизации вузов) в советских вузах сохранилась: «В 1920-е гг. в большинстве высших учебных заведений РСФСР существовали свободное посещение лекций и реальное право студента на выбор лектора и преподавателя, что имело как свои плюсы, так и минусы» [11]. Замена кафедр на предметные комиссии, куда входили и студенты, тоже способствовала утверждению некоторых академических свобод. Хотя учебные программы разрабатывал Наркомпрос, комиссии имели возможность их конкретизировать, вводить те или иные предметы по желанию студентов. Такие нововведения, как бригадный метод (подготовка к семинарам и сдача экзамена «группами-бригадами»), популярные в 1920-е гг., помогали развивать самостоятельность у студентов [12]. Современные исследователи сравнивают бригадно-лабораторный метод вузов 1920-х с востребованным сейчас на Западе методом *problem-based learning* и замечают, что при этом студенты «самостоятельно искали информацию и формировали необходимые исследовательские / профессиональные навыки для решения задач...» [13]. Популярным в университетах 1920-х был и «Дальтон-план», который предполагал «самостоятельность учащихся», свободу в выборе занятий и распределения учебного времени, ликвидацию академических групп [14]. Среди студентов 1920-х были распространены научные кружки, общества, публичные дискуссии [12].

Исследователи указывают на крайнюю идеологизированность обучения в ИКП. Однако в 1920-е гг. советский марксизм еще не стал догматическим, допускались дискуссии на различные темы. Ректор Московского ИКП М. Покровский – сам историк-марксист – поощрял научно-исследовательский подход к обучению, считая, что каждый доклад участников его семинаров должен быть небольшим научным исследованием. Он требовал от своих «семинаристов» для написания докладов работать в архивах. Приветствовалось создание научных статей. В 1929 г. «в ИКП только на историческом отделении было подготовлено 800 исторических работ (вместе со статьями и рецензиями), около 300 более крупных трудов и 50 книг. С 1929–1930 годов академическая работа стала считаться “основной партийной обязанностью слушателей”» [15].

Итак, в 1920-х годах сбылась мечта критиков дореволюционной университетской системы: вузы перестали быть учреждениями, куда поступают

ради диплома и карьеры. Д. И. Писарев обличал эту черту дореволюционного университета: «если история Ломоносова повторяется <...> а между тем Ломоносовых не является, то остается предположить, что повторяется только внешняя сторона этой истории. <...> действительного стремления к образованию молодой человек не чувствует... Для бедного и незнатного человека университет составляет кратчайшую дорогу к чинам, к почестям, к большому жалованью» [16]. Именно в 1920-е годы – со всеми их сомнительными педагогическими экспериментами, гонениями на профессоров-немарксистов, низким уровнем подготовки студентов, а то и преподавателей новой формации – чуть ли не впервые в истории российского образования мы видим приход в университеты массы людей, которых привлекали именно знания, а не карьера, чины и зарплаты (никаких привилегий университет больше не даровал).

С демократическо-просветительским университетом было покончено в годы сталинской вузовской реформы.

Сталинский «элитарный научно-педагогический университет» (1938–1961)

В конце 1920-х НЭП был свернут, Советский Союз стал создавать индустрию. И. В. Сталин признал: «Абсолютно необходима <...> новая смена из молодых специалистов. <...> Наркомпрос не справился с этой важной задачей <...> необходимо разделить труд ускоренного образования новой технической интеллигенции между тремя наркоматами – между Наркомпросом, ВСНХ и НКПС» [17]. В 1930 году эту линию закрепило постановление ЦИК и СНК ССР. В ведении Наркомпроса остались лишь педагогические, художественные вузы и университеты.

В 1931 году в университетах ликвидировали гуманитарные и общественные факультеты и на их базе создали институты. Так возник знаменитый МИФЛИ им. Чернышевского: «В составе МГУ остались лишь биологический, химический, физико-математический и рабочий факультеты. Все основные кадры гуманитариев из Московского университета оказались в МИФЛИ, где была сохранена университетская система гуманитарного образования» [18].

На реорганизованные университеты решено было возложить две задачи:

«а) подготовку кадров для научно-исследовательских учреждений, обеспечив при этом педагогическую подготовку этих кадров для работы в ВУЗах и ВТУЗах;

б) подготовку высококвалифицированных научно-исследовательских работников для самостоятельной научно-исследовательской и преподавательской работы»⁵.

Таким образом, советский университет был превращен в специализированную высшую школу для подготовки ученых и преподавателей высшей и среднетехнической школы⁶. Историки образования называют этот период в истории российских университетов «ликвидаторским» [21].

В 1933–1938 году был принят еще ряд постановлений, которые окончательно ликвидировали «демократический просветительский» университет 1920-х, вернули большинство университетских практик дореволюционной России.

15 сентября 1933 года Постановление ЦИК и СНК СССР «Об улучшении использования молодых специалистов» ввело госраспределение выпускников вузов. Соответствующая практика была и в дореволюционных университетах, но там министерское распределение касалось лишь казеннокоштных (бюджетных) студентов. В СССР госраспределению на 5 лет подлежали все выпускники, даже когда в 1940 году была введена плата за обучение в вузах⁷.

В 1934 г. в вузы были возвращены ученые степени и звания. В 1936 г. вернули приемные экзамены, приему подлежали только лица, имеющие аттестаты о среднем образовании. Были возрождены лекции и семинары, единое учебное расписание, курсовая система, семестровые экзамены и зачеты, зачетные книжки (которые в постановлении назывались еще на дореволюционный манер матрикулами), госэкзамены, дипломы о высшем образовании, введены защита дипломов и производственная практика. Гуманитарные факультеты вернулись в состав университетов. Вузы непосредственно подчинили наркомам отраслевых наркоматов, внутри вуза единовластным правителем стал директор (потом ему вернули имя ректора). На основе идей постановления 1936 г. в 1938 г. был выпущен Типовой устав советских вузов. Очевидно, авторы постановления и устава вдохновлялись содержанием устава 1884 года («Устава Александра Третьего») – одного из самых консервативных уставов в истории российских университетов.

Университет стал приобретать черты учреждения для элит. В 1930-е был создан «имидж власти

как наиболее образованной части общества, а потому действительно умеющей управлять» [26]. Высшее образование, как и до революции, становится признаком элиты общества. Стал расти уровень образования партчиновников. В 1927 г. лишь 1 % членов партии имел высшее образование. В 1939 году среди первых секретарей райкомов и горкомов ВКП(б) уже 14, 8 % с высшим образованием. Идеи высшего образования для народных масс, популярные в 1920-е годы, к 1940–50-м отошли на второй план.

Свою роль сыграло и введение платы за образование в старших классах школы и вузах в 1940-м г. Плата не была чрезмерной, но тоже являлась инструментом для направления выходцев из «низов» в техникумы и училища и на производство рабочими (вузы для этой категории населения не были закрыты, можно было совмещать работу и учебу, но на это решались только самые активные и инициативные).

Б. Тромли пришел к выводу, что университеты при зрелом сталинизме снова становятся элитарными заведениями, в том числе по самоощущению студентов и преподавателей. По его утверждению, в послевоенное время советские университеты «превратились в замкнутую статусную группу, обладающую автономией и сознанием элиты, возвышающуюся над остальными трудящимися и претендующую на доминирующее положение в стране. Университеты <...> перестали быть лифтом социальной мобильности для активных рабочих-партийцев и превратились в инструмент воспроизводства интеллектуальной элиты» [23].

Итак, в результате сталинской реформы вузов 1930-х гг. ушел в прошлое демократический просветительский университет. Ему на смену пришел «сталинский» элитарный университет, напоминавший дореволюционный, готовивший научно-педагогические кадры (преподавателей высшей и средне-специальной школы). Для выполнения столь узкой задачи академические свободы не требуются, зато важна некоторая степень самостоятельности в организации университетской жизни.

Изобразим эту модель «научно-педагогического» советского университета графически (рис. 2).

Автономия и свободы в «научно-педагогическом» «сталинском» университете

На приведенной схеме видно, что «научно-педагогический» университет, в отличие от своего предшественника – «демократически-просветительского», – отличался тем, что академические

⁵ Постановление СНК РСФСР о реорганизации государственных университетов. 13.7.1931 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3748.htm (дата обращения: 21.09.2023).

⁶ Мы называем такую школу не университет, а «мультиинститут» [19; 20].

⁷ Введена 26 октября 1940 года постановлением СНК № 638, отменена 1 сентября 1956 года.

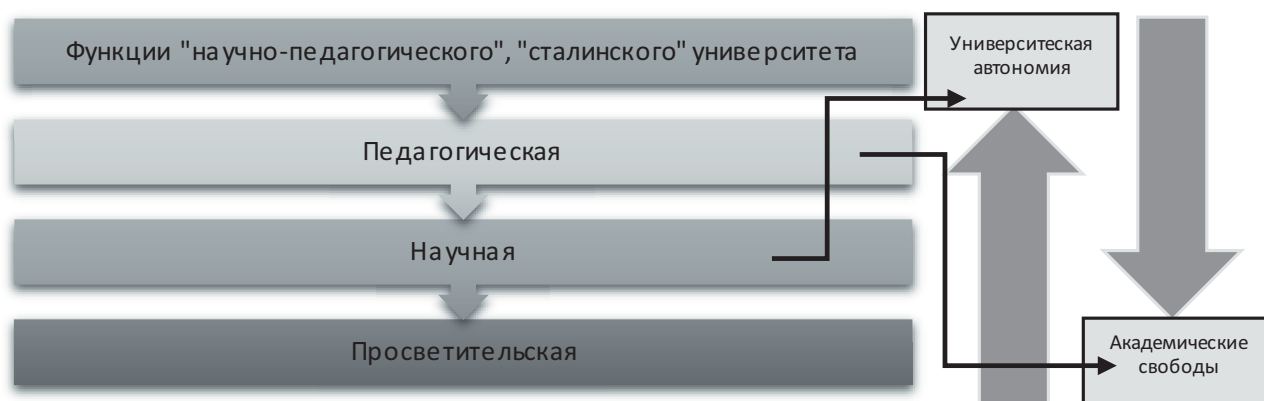

Рис. 2. Модель «научно-педагогического» «сталинского» университета

Fig. 2. Model of "scientific-pedagogical" Stalinist university

свободы в нем были сведены к минимуму. В сталинские годы преподаватели обязаны были даже предоставлять тексты лекций начальникам кафедр.

Вместе с тем ситуация с автономией обострялась. Конечно, этот университет находился под жестким контролем государства. Б. Тромли пишет: «Университетская автономия, с таким трудом завоеванная при царе, была ликвидирована большевиками практически сразу после революции, а в сталинские годы сформировалась специфически советская модель высшего образования, которая поставила университеты в еще большую зависимость от государства по сравнению с любыми попытками, когда-либо предпринимавшимися в России или где бы то ни было» [23]. Но, как бы в подтверждение закона обратной зависимости уровня университетской автономии и академических свобод, он отмечает: «Тем не менее университеты, в отличие от других типов высших учебных заведений, пользовались несколько большей свободой в том, что касалось выработки образовательных программ и учебных планов – отчасти из-за того, что фундаментальная наука по природе своей вообще довольно плохо поддается идеологическому регулированию, отчасти же – из-за того, что уже упоминавшийся дефицит квалифицированных кадров вынуждал партийное руководство считаться с научным сообществом» [24].

Соответствующие тенденции отмечает и отечественный историк науки и образования Е. Г. Водичев. Он указывает, что в период «позднего сталинизма», в 1946 году, по инициативе Капицы, Семенова, Ландау и Христиановича в составе МГУ был создан физико-технический факультет, который задумывался как носитель духа «исследовательского университета». Он обладал «внутри университета большой самостоятельностью» [25]. Позднее из него вырос легендарный МФТИ.

Выводы

Исследования университетской автономии и академических свобод важны как для оценки современной ситуации в университетском образовании [26], так и для прояснения футурологических перспектив в истории университетов [27]. Особенно много «белых пятен» в отношении этого исследовательского ракурса в истории советских университетов. При изучении этой малоисследованной проблемы мы пришли к выводу, что в 1917–1922 гг. большевиками на базе системы высшей школы Российской империи был создан новый тип университета – демократически-просветительский университет. Он, в отличие от своего предшественника – дореволюционного имперского университета, – не был встроен в систему госслужбы и был ориентирован не на научную работу, а на подготовку кадров для хозяйственной и социальной сфер, а также на просвещение масс. Его подконтрольность Наркомпросу сочеталась с послаблениями в области академических свобод. Для этого университета были характерны педагогические эксперименты, применение новейших для того времени технологий обучения, установка на самостоятельную и творческую работу студентов.

После сворачивания НЭПа и коллективизации страна начала индустриализацию и культурную революцию. Понадобились специалисты в области народного хозяйства, учителя, медики. В связи с этим была начата сталинская реформа высшей школы. Она была ориентирована на прагматизацию высшего образования и сильно ударила по университетам. В конце концов, университеты встроились в высшую школу на правах вузов, готовящих кадры для науки и системы образования. Были возрождены практики дореволюционных университетов, в том числе – их нацеленность на воспроизводство элиты. На смену демократически-просветительскому пришел научно-педагогический университет.

Новый устав еще больше сузил автономию вузов, но именно в советских университетах сохранились остатки элементов академических свобод, необходимых для подготовки научно-педагогических кадров.

Список литературы

1. Мазур Л. Н., Карманова Е. Д. К вопросу об автономии российских университетов: историко-документоведческое исследование уставов XIX–XXI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 156–169.
2. Никольский В. Университетская автономия и академическая свобода (критический взгляд на взаимосвязь традиционных ценностей) // Высшее образование в России. 2008. № 6. С. 147–155.
3. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
4. Прокопьев В. П. Федеральный университет и классическое университетское образование // Университетское управление: практика и анализ. 2010. Т. 6. С. 28–32.
5. Зеленская Л. Д. Мировой опыт становления университетской автономии и самоуправления // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2008. № 3. С. 69–71.
6. Каиль М. В. Советский университет как социоконструирующий проект: идеология и практика в создании первых советских университетов // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 461–469.
7. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%9C%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%9B%D0%AC> (дата обращения: 21.11.2023).
8. Шандулин Е. В. Университетская трансформация в 1920-е гг. в СССР как отражение государственной политики реформирования высшего образования (по материалам Донского университета) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 135–140.
9. Парсамов В. С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 121–146. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146
10. Мартинович Д. М. Реализация модели свободного университета в РСФСР: 1918–начало 1920-х гг. // Веснік БДУ. Сер. 3. 2012. № 3. С. 33–36.
11. Тарасенко В. Н. Высшая школа и студенчество в эпоху НЭПа // Бизнес и дизайн ревю. 2017. Т. 1, № 4 (8). С. 15.
12. Марков А. Что значит быть студентом? Работы 1993–2003 гг. М.: НЛО, 2005. 264 с.
13. Университет сквозь столетия: как менялась высшая школа России [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/19896-universitet-skvoz-stoletiya-kak-menyalas-vyssshaya-shkola-rossii> (дата обращения: 21.09.2023).
14. Комаров Ю. Т. Дальтон-план в советском варианте [Электронный ресурс] URL: https://moskvam.ru/publications/publication_1938.html (дата обращения: 21.09.2023).
15. Вдовенко А. История о том, как открыли и закрыли институты красной профессуры [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/istoriya-o-tom-kak-otkryli-i-zakryli-instituty-krasnoy-professury/> (дата обращения: 21.09.2023).
16. Писарев Д. И. Наша университетская наука // Университетская идея в Российской империи XVIII–начала XX века. Антология. Уч. пособие для вузов. М., РОССПЭН, 2011. С. 283–296.
17. Сталин И. В. Об итогах июльского Пленума ЦК ВКП(б). Доклад на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) 15 июля 1928 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/11-20.html> (дата обращения: 21.09.2023).
18. Аврус А. И. История российских университетов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 85 с.
19. Вахитов Р. Р. Судьба университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М.: «Страна «Оз», 2014. 276 с.
20. Вахитов Р. Р. «Болезни» наших университетов: советские вузы в постсоветскую эпоху // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2. С. 14–23. DOI: 10.15826/umpra.2017.02.016
21. Малявина Л. С. Университеты в условиях отраслевой реорганизации советской высшей школы (1930-е): на примере Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток) // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова): VII Арсентьевские чтения (12–14 октября 2017 г., Чебоксары). Т. 2. Чебоксары, 2017. 285 с.
22. Колдушко А. А. Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей) // Вестник Пермского государственного технического университета. Культура. История. Философия. Право. 2010. № 3 (29). С. 105–111.
23. Tromly B. Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 295 p.
24. Минц М. М. Тромли Б. Создание советской интеллигенции: университеты и интеллектуальная жизнь при Сталине и Хрущеве // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2017. № 2. С. 80–86.
25. Водичев Е. Г. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х–начало 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 41–53.
26. Грибовский М. В., Сорокин А. Н. Академические свободы и бюрократические узы преподавателя: результаты полевого исследования в университетах Великобритании и Франции // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23, № 1–2. С. 60–71. DOI: 10.15826/umpra.2019.01-2.004
27. Агамирзян И. Р., Атнашев Т. М., Зиньковский К. В., Ключев А. К., Лешуков О. В., Павлюткин И. В.,

Савелёнок Е. А., Сафронов П. А. Университет INC.: от академической корпорации к интеллектуальному производству // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 4. С. 126–134.

References

1. Mazur L. N., Karmanova E. D. K voprosu ob avtonomii rossiiskikh universitetov: istoriko-dokumentovedcheskoe issledovanie ustavov XIX–XXI vv. [On the Question of the Autonomy of Russian Universities: Historical and Documentary Study of the Statutes of the XIX–XXI Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 25, nr 2, pp. 156–169. (In Russ.).
2. Nikol'skij V. Universitetskaya avtonomiya i akademicheskaya svoboda (kriticheskii vzglyad na vzaimosvyaz' traditsionnykh tsennostei) [University Autonomy and Academic Freedom (a Critical Look at the Relationship of Traditional Values)]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2008, nr 6, pp. 147–155. (In Russ.).
3. Ridings B. Universitet v ruinakh [The University in Ruins]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010, 304 p. (In Russ.).
4. Prokop'ev V. P. Federal'nyi universitet i klassicheskoe universitetskoe obrazovanie [Federal University and Classical University Education]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2010, nr 6, pp. 28–32. (In Russ.).
5. Zelenskaya L. D. Mirovoi opyt stanovleniya universitetskoi avtonomii i samoupravleniya [World Experience in the Formation of University Autonomy and Self-Government]. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta*, 2008, nr 3, pp. 69–71. (In Russ.).
6. Kail' M. V. Sovetskii universitet kak sotsiokonstruiruyushchii proekt: ideologiya i praktika v sozdanii pervykh sovetskikh universitetov [The Soviet University as a Socio-Constructing Project: Ideology and Practice in the Creation of the First Soviet Universities]. In: *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy: sbornik nauchnykh trudov* [The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social Transformations, Collection of Scientific Works], Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2017, pp. 461–469. (In Russ.).
7. Noveishii filosofskii slovar', available at: <https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%9C%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%9B%D0%AC> (accessed 21.11.2023). (In Russ.).
8. Shandulin E. V. Universitetskaya transformatsiya v 1920-e gg. v SSSR kak otrazhenie gosudarstvennoi politiki reformirovaniya vysshego obrazovaniya (po materialam Donskogo universiteta) [University Transformation in the 1920s in the USSR as a Reflection of the State Policy of Reforming Higher Education (Based on the Materials of the Don University)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2017, nr 1, pp. 135–140. (In Russ.).
9. Parsamov V. S. Bor'ba za universitet v bol'shevistskoi Rossii 1917–1921 gg. [The Struggle for the University in Bolshevik Russia in 1917–1921]. // *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»*, 2018, vol. 6 (39), pp. 121–146. doi 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146 (In Russ.).
10. Martinovich D. M. Realizatsiya modeli svobodnogo universiteta v RSFSR: 1918-nachalo 1920-x gg. [Implementation of the Free University Model in the RSFSR: 1918–Early 1920s.] *Vesnik BDU*, 2012, iss. 3, nr 3, pp. 33–36. (In Russ.).
11. Tarasenko V. N. Vysshaya shkola i studenchestvo v epokhu NEPa [Higher School and Student Youth in the NEP Era]. *Biznes i dizain revyu*, 2017, vol. 1, nr 4 (8), p. 15. (In Russ.).
12. Markov A. Chto znachit byt' studentom? Raboty 1993–2003 gg. [What Does it Mean to Be a Student? Works of the 1993–2003]. Moscow, NLO, 2005, 264 p. (In Russ.).
13. Universitet skvoz' stoletiya: kak menyalas' vysshaya shkola Rossii [University Through the Centuries: How the Higher School of Russia Has Changed], available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/19896-universitet-skvoz-stoletiya-kak-menyalas-vysshaya-shkola-rossii> (accessed 21.09.2023). (In Russ.).
14. Komarov Yu. T. Dal'ton-plan v sovetskom variante [Dalton Plan in the Soviet Version], available at: https://moskvam.ru/publications/publication_1938.html (accessed 21.09.2023). (In Russ.).
15. Vdovenko A. Istoriya o tom, kak otkryli i zakryli instituty krasnoi professury [The story of How the Institutes of the Red Professorship Were Opened and Closed], available at: <https://skillbox.ru/media/education/istoriya-o-tom-kak-otkryli-i-zakryli-instituty-krasnoy-professury/> (accessed 21.09.2023). (In Russ.).
16. Pisarev D. I. Nasha universitetskaya nauka [Our University Science]. In: *Universitetskaya ideya v Rossiiskoi imperii XVIII-nachala KhKh veka. Antologiya. Uch. posobie dlya vuzov* [University Idea in the Russian Empire from the 18th to the early 20th Century], Moscow, ROSSPEN, 2011, pp. 283–296. (In Russ.).
17. Stalin I. V. Ob itogakh iyul'skogo Plenuma TsK VKP(b). Doklad na sobranii aktiva leningradskoi organizatsii VKP(b) 15 iyulya 1928 g. [On the Results of the July Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). Report at the Meeting of the Asset of the Leningrad Organization of the CPSU(b) on July 15, 1928], available at: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/11-20.html> (accessed 21.09.2023). (In Russ.).
18. Avrus A. I. Istoriya rossiiskikh universitetov [History of the Russian Universities.] Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2001, 85 p. (In Russ.).
19. Vakhitov R. R. Sud'ba universiteta v Rossii: imperskii, sovetskii i postsovetskii razdatochnyi mul'tiinstitut [The Fate of the University in Russia: Imperial, Soviet and Post-Soviet Multi-Distribution Institute]. Moscow, «Strana “Oz”», 2014, 276 s. (In Russ.).
20. Vakhitov R. R. «Bolezni» nashikh universitetov: sovetskie vuzy v postsovetskuyu epokhu [“Diseases” of our Universities: Soviet Universities in the Post-Soviet Era]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2017, vol. 21, nr 2, pp. 14–23. doi 10.15826/umpa.2017.02.016 (In Russ.).
21. Malyavina L. S. Universitety v usloviyakh otraslevoi reorganizatsii sovetskoi vysshei shkoly (1930-e): na primere Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta (g. Vladivostok) [Universities in the Context of the Sectoral Reorganization of the Soviet Higher School (1930s): on the Example of the Far Eastern State University (Vladivostok)]. *Paradigmy universitetskoi istorii i perspektivy universitetologii* (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo

universiteta imeni I. N. Ul'yanova): VII Arsent'evskie chteniya (12–14 oktyabrya 2017 g., Cheboksary) [Paradigms of University and Perspectives of University Studies]. Cheboksary, 2017, vol. 2, 285 p. (In Russ.).

22. Koldushko A. A. Obrazovanie kak element sotsial'nogo portreta partiinoi nomenklatury v 1920–1930-e gody (na primere Sverdlovskoi i Permskoi oblastei) [Education as an Element of the Social Portrait of the Party Nomenclature in the 1920s–1930s (on the Example of the Sverdlovsk and Perm Regions)]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*, 2010, vol. 3 (29), pp. 105–111. (In Russ.).

23. Tromly B. Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, 295 p. (In Eng.).

24. Mincz M. M. Tromli B. Sozdanie sovetskoi intelligentsii: universitety i intellektual'naya zhizn' pri Staline i Khrushcheve [B. Tromly. Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5. Istoriya: Informatsionno-analiticheskii zhurnal*, 2017, nr 2, pp. 80–86. (In Russ.).

25. Vodichev E. G. Sovetskaya nauchnaya politika v period «pozdnego stalinizma» (vtoraya polovina 1940-kh-nachalo 1950-kh gg.): markery i metamorfozy [Soviet Scientific Policy During the Period of “Late Stalinism” (the Second Half of the 1940s–early 1950s): Markers and Metamorphoses]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2014, vol. 2 (28), pp. 41–53. (In Russ.).

26. Gribovskij M. V., Sorokin A. N. Akademicheskie svobody i byurokraticheskie uzy prepodavatelya: rezul'taty polevogo issledovaniya v universitetakh Velikobritanii i Frantsii [Academic Freedoms and Bureaucratic Ties of a Teacher: Results of a Field Study at Universities in the UK and France]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2019, vol. 23, nr 1–2, pp. 60–71. doi 10.15826/umpa.2019.01–2.004 (In Russ.).

27. Agamirzyan I. R., Atnashev T. M., Zin'kovskij K. V., Klyuev A. K., Leshukov O. V., Pavlyutkin I. V., Savelyonok E. A., Safronov P. A. Universitet INC.: ot akademicheskoi korporatsii k intellektual'nomu proizvodstvu [INC University: from Academic Corporation to Intellectual Production]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2018, vol. 22, nr 4, pp. 126–134. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Вахитов Рустем Ринатович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии факультета философии и социологии, Уфимский университет науки и технологий; Rust_R_Vahitov@mail.ru; 8-917-492-47-16

Rustem R. Vakhitov – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Department of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology; Rust_R_Vahitov@mail.ru; 8-917-492-47-16

